

В.В. Мильков

ЭТИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Владимир Владимирович Мильков – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: dr_milkov@mail.ru

В статье анализируются религиозные основания политических взглядов Владимира Мономаха. Реконструируются концептуальные положения политического завещания киевского князя своим детям и основные идеи его этико-политической программы. Великий князь рекомендовал наследникам уклоняться от греха, вершить праведный суд, защищать слабых, иметь память смертную и держать в сердце своем страх перед Богом. Действия в такой парадигме накладывали значительные ограничения на представителей власти, ибо сковывали их в выборе средств. На конкретных фактах биографии Мономаха было проверено, насколько положения этико-политической программы воплощались во внешней и внутренней политике самого князя. Сопоставление показывает, что в реальной политической практике древнерусский князь отступал от исполнения религиозных установок собственной нравственной программы. Делается вывод, что впервые властителем были выдвинуты требования к самой власти и задавался желательный с точки зрения принятой веры идеал князя-управителя.

Ключевые слова: Владимир Мономах, мораль, политика, религиозная мотивация политической практики, идеал властителя

Для цитирования: Мильков В.В. Этико-политическая программа Владимира Мономаха // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 4. С. 134–147.

Древнерусская мысль, как известно, несла в себе мощный нравственно-назидательный заряд, а господство этической проблематики в произведениях древнерусской книжности давало исследователям основание говорить о панэтизме как о фундаментальном признаке отечественной и общехристианской мудрости¹. На этой основе развился целый букет литературных жанров: поучения, наставления, проповеди, обличения, которыми воспитывалось и регулировалось поведение верующих. На общем фоне среди этических сочинений древнерусской эпохи выделяется одно очень необычное

---

¹ Громов М.Н. Структура и типология русской средневековой философии. М., 1997. С. 127–134.

сочинение, в котором делается попытка регуляции политической сферы деятельности на базе системы ценностей, вытекающих из установок православного вероучения. Характерно, что автором этого произведения является не церковный проповедник и не иерарх, обязанный наставлять паству по роду своей деятельности, а древнерусский князь – успешный политик, яркий мастер слова, овладевший богатством духовного книжного наследия мыслитель. Это – Владимир Всеволодович Мономах (в крещении Василий) [род. 1053, получил Киевский стол в 1113, ум. 1125].

Своему наставлению великий князь киевский придал форму завещания наследникам, приравливая нравственный кодекс христианского благочестия к обязанностям правителя государства. Такова совершенно необычная специализация наставления, которое с названием «Поучение» дошло до нас в единственном списке в составе Лаврентьевской летописи². Название в определенной мере условно, ибо под ним объединены не сведенные в единое законченное произведение бумаги Мономаха. Наряду с наставлением детям в состав бумаг входят подборки выписок из Св. Писания, роспись походов и путей (т.н. Автобиографическая летопись), Письмо Олегу³. Создавалось это произведение на закате жизни Мономаха – «седя на санех» (т.е. в понятном образном смысле – в ожидании смерти). Работа не была закончена и имеющие более раннюю датировку составные части так и не были слиты в единый текст: Письмо Олегу относится к 1096 г., а роспись походов заканчивается описанием событий 1117 г. Поэтому единого мнения о датировке памятника у исследователей нет⁴.

Несмотря на незавершенность труда, текст представляет собой высокий образец этико-политического микротрактата. Ему нет жанровых аналогов⁵. Тем не менее Владимир Мономах достоин того, чтобы быть поставленным в почетный ряд таких мастеров назидательного слова, как Лука Жидята, Феодосий Печерский, Моисей Новгородский, Григорий Белгородский, Кирилл

² Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1962. Стб. 240–256. (Ссылки на это издание с указанием столбца приводятся непосредственно по тексту в скобках).

³ О составе и жанровой специфике см.: Мильков В.В. Владимир Мономах и его Поучение // Творения митрополита Никифора. М., 2006. С. 340–365.

⁴ Одни исследователи начало работы над Поучением связывают с 1099 г. (Ивакин И.М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1: Поучение детям; Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901. С. 5–6, 86; Орлов А.С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946. С. 147) или 1101 г. (Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. I: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988. С. 377; Гунтуис А.А. Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 68–71; Боровков Д. Владимир Мономах: князь-мифотворец. М., 2015. С. 188; Пузанов В.В. От православия к Руси: становление древнерусского государства (факторы и образцы политогенеза). СПб., 2017. С. 451–458). Выражение «седя на санех» эти авторы понимают в прямом смысле, как путевые заметки. Окончание работы над текстом чаще относят к 1117 г. (Гунтуис А.А. Указ. соч. С. 70–71; Боровков Д. Указ. соч. С. 186). Но ближе к истине те исследователи, которые относят работу над Поучением к самой закатной поре жизни князя (Ивакин И.М. Указ. соч. С. 6–8). Старческим недомоганием можно объяснить незавершенность работы.

⁵ По заключению исследователей текст Мономаха представляет собой весьма необычное для древнерусской книжности произведение, которое оказывается «вне жанров» (см. об этом: Копреева Т.Н. К вопросу о жанровой принадлежности «Поучения» Владимира Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXVII. Л., 1972. С. 94–108; Коняевская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника. М., 2000. С. 53–54, 59, 68; Лихачев Д.С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 83; Мильков В.В. Владимир Мономах и его Поучение. С. 344–350).

Туровский, Серапион Владимирский и другие проповедники. Именно на этом фоне можно оценить степень оригинальности неожиданного тематического поворота достаточно традиционного по сути своей религиозно-нравственного наставления. Поучение Владимира Мономаха относят к числу известных разновидностей родительских наставлений детям, но никаких прямых аналогов или прообразов в близких форме сориентированного на политическую сферу деятельности поучения не выявлено⁶.

Нравственная программа Владимира Мономаха и ее идейно-религиозные основания достаточно четко реконструируются, и можно судить, чем руководствовался князь, рекомендуя своим властным потомкам своеобразный поведенческий кодекс, который он считал желательным для воплощения во властной практике.

Обращение к детям могущественный властитель Руси начинает с возвеличивания общей для них родовой преемственности, чтобы наследники прочувствовали причастность к важной в рамках исповедуемой конфессии связи, которая через него передается наследникам. Родитель-наставник подчеркивает свое происхождение от христоролюбивого деда Ярослава, указывает на причастность через крещальное имя Василий прадеду, крестившему Русь, и одновременно обозначает родство с византийским императорским домом Мономахов. Владимиру Всеволодовичу важно указать на сохранение православной преемственности в родовой традиции, собственный вклад в которую он связывает с заботой о христианах и считает своей заслугой, что многих сохранил по милости своей (Стб. 240). Тут же формулируется базовый религиозно-нравственный закон, нормирующий богоугодное поведение: «Первое Бога деля и душа своя – страх имеите Божий в сердцах своемь, милостыню творя не оскуду. То бо есть начаток всякому добру» (Стб. 241). Следующие затем рекомендации будущим властителям с этих религиозно-мировоззренческих установок так или иначе замыкаются на ситуациях, имеющих отношение к политической сфере деятельности.

Христианский принцип любви Мономахом конкретизируется и воплощается в совершенно определенные заповеди, предписывающие внимательное, заботливое и бережное отношение к подданным. Этой же задаче отвечал провозглашенный князем принцип праведного суда. Отталкиваясь от собственного примера («и худаго смерда, и убогие вдовице не дал есмь сильным обидети» – Стб. 251), он предписывает своим преемникам оказывать помощь сиротам, защищать слабых, кормить убогих, оказывая поддержку и покровительство нуждающимся (Стб. 245). К теме помощи и защиты слабых и обездоленных он обращается неоднократно (Стб. 251). Сформулированные им положения неоригинальны. Покровительство притесняемым, сиротам и вдовам относится к разряду библейских предписаний (Иер. 22, 3). В том же духе венценосный писатель формулирует поведенческие нормы, которые излагает от собственного имени. Из дальнейшего

⁶ Ср.: «Слово некоего отца к сыну своему» из «Изборника 1076 года»; поучение Василия I к сыну Льву (IX в.); назидательные обращения французского короля Людовика Святого сыну («Enseignements»); «Наставление о нравах герцогу Имре» (об этом: *Алексеев М.П.* Англосаксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. II. М.; Л., 1935. С. 60–69; *Ратобильская А.В.* Венгерский трактат «Наставление о нравах герцогу Имре» и западноевропейские представления об общественном устройстве // *Славянский мир между Римом и Константинополем.* М., 2004. С. 136–145).

повествования следует, что заботу о выбитых из жизненной колеи подданных лучше всего облекать в милостыню, попечение нуждающимся и оказание судебной защиты.

Большое внимание в своем политическом завещании князь, разрабатывавший собственные законодательные нормы⁷, отводит проблеме справедливого суда. Требованиям христианской нравственности в его понимании отвечает только праведный суд. Необходимость поддержки слабых и угнетенных отправлением справедливого суда утверждается прямым воспроизведением библейской цитаты из Ис. 1, 17, 18: «избавите обидима, судите сироте, оправдате вдовицу. Придете да сожжемся, глаголет Господь» (Стб. 243)⁸. Поскольку преемникам придется исполнять судебные полномочия, он призывает их праведным судом защищать «убогих», что должно облегчить тяжелое положение подданных. Весьма показательно, судя по приведенной цитате, что милостыню и разные формы заботы о слабых князь трактовал как жертву Богу. Подобное наставление имело морально-политическое значение, ибо было направлено на ограничение широко распространенного в ту эпоху судебного произвола, от которого страдали прежде всего неимущие и бесправные. Подобная установка призвана была формировать чувство справедливости у имущих представителей власти по отношению к неимущим. Это чувство возбуждалось христианским мировосприятием, настраивавшим на понимание ценности каждой отдельной личности вне зависимости от ее социального статуса.

Нравственным максимумом христианского благочестивого поведения стал провозглашенный Мономахом запрет душегубства. Он предписывает своим наследникам не осквернять себя убийством и даже не отдавать приказов казнить преступников: «не права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убить его, аще будеть повинен смерти. А душа не погубяете никакая же хръстяны» (Стб. 245). Древнерусский князь, подобно своему прадеду, абсолютизировал заповедь «не убий» и готов был отказаться от смертной казни и пролития крови единоверцев. Но как засвидетельствовано в летописи и в собственной автобиографической истории князя-воина и князя-судьи, сам Мономах неоднократно выходил за рамки сформулированного им правила.

Имеется целый ряд достоверных свидетельств о причастности Мономаха к массовому душегубству, избегать которого он наставлял своих наследников. В росписи путей князь похвальноется коварным убийством Итларевой чади (половецких послов, убитых согласно летописи в 1095 г.) (Стб. 249–251). Допустим, расправа над многолетними врагами, пришедшими с миром, пусть даже в нарушение договорных обязательств, призвана была воспитывать неколебимую твердость в отношении поганых разорителей страны. Но уж совсем вопиющим фактом на фоне наставлений в добре и человеколюбии выглядит жесточайшая расправа над единоверцами-минчанами с использованием отрядов тех же степняков: «и с половци, с читеевичи к Меньску изъехахомъ город. И не оставихом у него ни челядина, ни скотины» (Стб. 246). Получается, что запрет на кровопролитие не распространялся на междоусобия, ибо с внутренним врагом поступали так же безжалостно, как с внешним. Из этого следует, что заповедь воздержания от душегубства

⁷ Устав Владимира Мономаха // Творения митрополита Никифора. М., 2006. С. 453–497.

⁸ В цитате из Ис. 1, 17 отсутствует начало: «Научитесь делать добро, ищите правды». Этот лозунг соответствует основному лейтмотиву Поучения, смысл которого не размывается на разовый буквализм цитирования и тем сохраняется цельность в изложении мысли.

не служила ограничителем для межкняжеских конфликтов, о победах в которых с гордостью повествует Мономах в своей автобиографии. Сцены кровопролития, как неизбежный спутник войн, при этом остаются в его жизнеописании за кадром. Получается, что норма «не убий» применима только к судопроизводству, когда в руках представителей власти находилась и жизнь, и смерть подданных (т.е. душегубство по воле и умыслу). В этой связи показательно, что на убийство соперника в бою не смотрели как на душегубство. Падение в бою считалось Судом Божиим (Стб. 252–255). Епитимия все же на ратных людей со стороны церкви за это накладывалась.

В отличие от автобиографических записок Письмо Владимира Мономаха двоюродному брату Олегу представляло наглядный и достойный восхищения пример подлинного христианского человеколюбия и всепрощения. Содержание Письма автобиографично, хотя в жанровом отношении это отдельный от остальных бумаг эпистолярный документ⁹. Князь проявляет удивительное смирение (Стб. 255). С позиции христианского всепрощения он выражает готовность не мстить двоюродному брату, в борьбе с которым при сражении за Муром 6 сентября 1096 г. пал на поле битвы его сын Изяслав¹⁰. Гибель сына Мономах рассматривает как Божие наказание за незаконный захват Изяславом Олегова удела: «Суд от Бога ему пришел, а не от тебе» (Стб. 254). Он категорически отказывается от мести и предлагает убийце сына вернуть не только Муром, но и родовую отчину – Чернигов. Поступая так необычно для тех лет, князь заявляет, что спасение собственной души ему дороже земных владений. С точки зрения установок христианской доктрины создается прецедент идеального властного поведения в ситуации междоусобия – не нарушать границ родовых владений и признавать права старшего.

Та же мысль о гармонизации межкняжеских отношений развивается в наставлении. Владимир Мономах, следуя нормам христианской субординации, формулирует базовый принцип внутрдинастического порядка: старшим повиноваться, с младшими и равными себе жить в любви (Стб. 243). Вытекающее из доктринального принципа иерархизма правило соответствовало характеру властных отношений, а именно принципу генеалогического старшинства в разветвленном роде (отчинный сеньорат), когда старший в роде должен был соблюдать права имевших собственные уделы младших князей, а те, в свою очередь, повиноваться ему как отцу. В аллегорической форме нерушимость больших и малых уделов сравнивается в Пучении с естественным соседством мощных и слабых птиц (Стб. 244). Свыше установленному порядку придается политический смысл наставления в миролюбивом соседстве младших и старших представителей династии. Образная интерпретация правила подводится под установленный Любечским съездом 1097 г. порядок, согласно которому каждая из ветвей рюриковичей получала в наследственное держание отчины, а братья в лествичном порядке восхождения занимали княжеские столы по принципу старшинства.

Письмо, как видим, реализовывало тот же династический принцип и выполняло ту же воспитательную роль, что и Наставление. В дополнение

⁹ Ивакин И.М. Указ. соч. С. 285; Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. СПб., 1992. С. 41–44; Кучкин В.А. Послание кн. Владимира Мономаха кн. Олегу Святославичу // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 225–226.

¹⁰ Фактография письма подтверждается летописными данными (ср.: Стб. 229–231, 236–240).

к пламенному обращению властвовавшего отца к детям мемориальный и всем известный факт семейной истории мог бы стать наглядным примером для последующих поколений князей. Но это необычное по форме и очень сильное по своему политико-педагогическому заряду написание (причем явно преднамеренно сохраненное среди других бумаг Мономаха) не было услышано ни ближайшими, ни отдаленными потомками киевского князя. Оно не предотвратило распрей даже между двумя ветвями Мономашичей (сыновьями от Гиты и детьми от второго брака Владимира, в котором родились Юрий и Андрей). Никакого влияния завещание могущественного единодержца на междинастические отношения не оказало. Пример Мономаха никоим образом не поспособствовал предотвращению внутринастического соперничества и, в конечном итоге, феодальной раздробленности. Так что говорить о том, что идеи Мономаха, подкрепленные личным примером, хоть в какой-то мере стали правилом во властных практиках его потомков, не приходится. Идеал оказался слишком высоким для реалий тогдашней повседневности¹¹. Но именно в своем неосуществимом виде завещание Мономаха предстает выдающимся памятником отечественной этико-политической мысли домонгольской Руси, диапазон идей которого отнюдь не ограничивается запретом на душегубство и предостережением от несправедливого захвата чужих владений.

Рассуждения о недопустимости душегубства стоят в одном ряду с заповедью о непогублении человека, которая оформлена как призыв к защите слабых от сильных: «не вдавайте сильным погубити человека» (Стб. 245).

¹¹ Здесь надо сказать, что в историографии не сложилось консенсуса при оценке искренности Мономаха как писателя. Исследователи спорят, насколько действенными и соответствующими убеждениям самого Мономаха была нравственная программа княжеского завещания. Критическим оценкам противостоят комплиментарные. Например, А.Ю. Карпов считает Владимира Мономаха идеальным правителем и человеком высокого нравственного долга, который принципы управления страной выстраивал на основе высоких христианских ценностей. При этом автор признает, что князь «не всегда соответствовал тому высокому идеалу, который сам создавал в своих сочинениях и к которому так стремился». Вопреки нормам должного он не останавливался перед излишней жестокостью, которую оправдывает и жестокий век, и суровое ремесло управления (*Карпов А.Ю.* Великий князь Владимир Мономах. М., 2015. С. 7–8). Д.С. Лихачев пришел к заключению, что политическая идеология, разработанная киевским самодержцем, опиралась на христианскую мораль (*Лихачев Д.С.* Сочинения князя Владимира Мономаха // *Лихачев Д.С.* Великое наследие. М., 1980. С. 148–149). По убеждению И.Я. Фроянова, Мономах своей политикой и заботой о простых людях заслужил высокую оценку у народа, что открыло ему путь к верховной власти на Руси в функции высшего должностного лица призывавшей его общины (*Фроянов И.Я.* Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 522, 896). И.И. Смирнов, наоборот, категорически отрицал смердолюбие Мономаха, гуманные морально-политические суждения которого расходились с реальными поступками (*Смирнов И.И.* Очерки социально-политических отношений Руси XII–XIII веков. М.; Л., 1963. С. 230–239). Есть и другие суровые оценки. Некоторые исследователи в автобиографической части вообще не находили ничего поучительного: (см.: *Алексеев М.П.* Указ. соч. С. 74). По заключению Б.А. Романова, из всей биографии князя возвращение Олегу Чернигову – «единственный поучительный пример политического свойства» (*Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. С. 182). В остальном идеи Мономаха, с точки зрения этого ученого, «пропитаны компромиссом». Перспективным представляется непредвзятый комплексный анализ противоречивых черт личности Владимира. По заключению В.В. Пузанова, набожность и базирующиеся на доктринальных установках идеологии сочетаются с прагматизмом, выводящим за нормативные рамки и позволяющим быть терпимым по отношению к нарушителям христианской морали, в чем и сам князь был грешен (*Пузанов В.В.* Указ. соч. С. 511–512).

В этом контексте «погубление» вовсе не тождественно убиению. Понятие «погубить» кроме значения ‘убийство’ чаще употреблялось в семантическом смысле ‘сделать несчастным, выбить из жизненной колеи, разорить’¹². Поскольку в руках князей была судебная власть, то Мономах предупреждал наследников, что от их решений напрямую зависит судьба подданных, а неконтролируемый произвол слуг может привести к утрате простолюдинами их социального статуса и ввергнуть в лишения. Мудрый властитель рассуждал с позиций совестливой гуманности, которая не позволит подтолкнуть слабого к грани небытия. Пытаясь привить это чувство детям, игрой смыслов слов он подчеркивал, что попустительство произволу «сильных» равнозначно убийству.

Здесь, судя по всему, источник не отражает всей полноты искренности княжеского отношения к подданным. Нравственные максимумы, провозглашавшиеся Владимиром Всеволодовичем, явно не соответствовали реалиям феодализации с характерным для нее разорением свободных людей и похолоплением должников. В юридической практике самого Мономаха ярким примером непоследовательности, в смысле человеколюбия и защиты слабых от сильных, является изданный киевским князем по результатам восстания 1113 г. «Устав о резах» и «Устав о закупках». Характерно, что, будучи реакцией на антиростовщическое восстание в Киеве, постановление Мономаха не отменяет проценты, а лишь ограничивает грабительский «рез» и суживает возможности «похолопления» за долги, предоставляя закупу возможность заработать и заплатить долг. Большие гарантии давались купцам¹³. В определенной степени нормы «Устава» защищали выбивавшихся обстоятельствами из жизненной колеи бедолаг и ограничивали масштабы социального «погубления». Принципиальных же мер по отношению к порабощительным устремлениям господ и ростовщиков не предполагалось¹⁴. Речь в законоположениях Мономаха шла лишь об ограничении злоупотреблений, но кардинальным образом лица далеко несмердолюбивой эпохи эти законодательные ограничения не меняли¹⁵.

Но если отвлечься от конкретики имущественно-юридических отношений, то вербализованный в заповедях гуманизм и набор отвечающих требованию религии правил Поучения все же складывается в последовательную смысловую канву произведения. Заботой о простых подданных проникнуты рекомендации князя не позволять воинам во время походов причинять вред жилищам и посевам (Стб. 246). Речь шла о предотвращении урона крестьянским хозяйствам и о пресечении мародерства. В сознании детей, таким образом, киевский князь закладывал понимание ответственности за сохранение крестьянских угодий и поселений даже в экстренных условиях военной обстановки. Это яркий пример воспитания государственного подхода, не позволяющего стратегические задачи решать в ущерб хозяйственной деятельности.

В связи с ратной тематикой Владимир Мономах описывает желательное для предводителя воинства поведение во время боевых действий (Стб. 245). Князь рекомендует своим детям следовать его примеру: не быть праздным, не лениться, лично руководить военными походами, не полагаться на воевод, непосредственно контролировать войско и «весь наряд в дому своем» (Стб. 251). Предписывая своим наследникам простоту быта и личное

¹² Словарь древнерусского языка XI–XIV. Т. VI. М., 1991. С. 497.

¹³ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 97–100.

¹⁴ Романов Б.А. Указ. соч. С. 68.

¹⁵ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 107, 238–239.

участие в черновых работах, Владимир Мономах воспроизводил комплекс идей, которым обнаруживаются параллели в «Изборнике 1076 года». Удивительным образом предписания князя своим детям совпадают с рекомендуемыми уникальным древнерусским сборником правилами бытового поведения: непрестанный труд, уклонение от излишеств в еде и одежде, скромность, довольствие малым и недопустимость возвышения над зависимыми людьми¹⁶.

Образ близкого своим подданным князя, который не брезгует черновой работой и лично контролирует своих подчиненных, не перекладывая обязанности на слуг, выходит за рамки сугубо христианских нормативов и явно коренится в порядках дружинной демократии. В историографии верно обращалось внимание на принципиальное отличие такой формы властного поведения от придворного этикета византийских императоров. Близкий своим воинам князь, с обостренным чувством личной ответственности за все сферы подвластной деятельности, ориентировал своих последователей на исконно русскую традицию, а вовсе не на образцы имперской идеологии единоверцев греков¹⁷.

К нормам богоугодного поведения в быту Мономах относит несколько нравственно-значимых действий, в связи с чем он рекомендует уклоняться от лжи, пьянства и блуда, навещать больных («больного преситите»), провожать умерших («над мертвеца идете»), добрым словом приветствовать встречаемых («человека не минете не привечавше»). Очень важно предписание любить жену, но не до такой степени, чтобы оказаться под ее пятой: «жену свою любите, но не дайте им над собою власти» (Стб. 246). Нравственным регулятором богоугодного поведения обозначено помятование о смертном часе и страх Господень. Другими словами, внушается необходимость оценивать собственные поступки в эсхатологической перспективе и стремиться избежать воздаяния по грехам.

Среди рекомендаций князя выделяются три главных заповеди, исполнение которых гарантирует личное спасение. По словам Мономаха, возможно «малым делом уллучити милость Божию... и Царствия не лишитися». По его убеждению, для искупления грехов достаточно покаяния, слез смирения и милостыни: «покаянем, слезами и милостнею.., оже теми делы трети избыти грехов своих» (Стб. 244). Весьма необременительный набор богоугодных поступков в историографии вполне обоснованно получил название концепция «малых дел». Суть концепции сводится к тому, что спастись можно в миру и для этого вовсе не обязательно обрекать себя на жесткие ограничения, строгое безгрешное поведение и дисциплинирование аскетическими подвигами. Поэтому специально подчеркивается, что те «малые добрые дела» «не бо суть тяжка: ни одиночество, ни чернечество, ни голод, яко инии добрии терпятъ» (Стб. 244). Щадящую поведенческую стратегию ради искупления грехов предлагал уже упоминавшийся в связи с параллелями Поучению «Изборник 1076 года». Автор одной из статей этого сборника убеждал читателя в возможности необременительного пути спасения: «иже вьсхочеть

¹⁶ См.: Изборник 1076 года. М., 1965. С. 23, 65, 630, 631. (О характере взаимосвязей «Изборника» и Поучения речь пойдет ниже).

¹⁷ См.: Чичуров И.С. Политическая идеология Средневековья. Византия и Русь. М., 1990. С. 146–150.

самовольствомъ и льготою бес труда спасти душу свою, милостынею можетъ спасти»¹⁸.

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что поведенческие установки Мономаха воспроизводят программные постулаты «Изборника», которые в сумме дают тот же набор малых богоугодных дел. Нищелюбие, милостыня, заботы об убогих в «Изборнике», как и в Поучении, считаются важнейшим условием достижения Царствия Небесного¹⁹. На этом основании высказывалось предположение, что Мономах писал свои наставления под влиянием знакомства с содержанием «Изборника 1076 года»²⁰. Некоторые из исследователей, правда, указывали на отсутствие прямой текстуальной зависимости Поучения от «Изборника», но при этом не отрицалось, что в круг чтения входили тексты, близкие «Изборнику 1076 года»²¹. Если принять во внимание, что даже тексты Св. Писания Мономах воспроизводил по памяти, то суммирование мотивов «Изборника» в авторской обработке и близко к исходному тексту вовсе не исключается. Венценосный писатель творчески перерабатывал материал, которым он владел, и вовсе не злоупотреблял цитированием. Такая манера резко отличает его от других книжников древнерусской поры.

Суммируя мотивы Поучения, а точнее, всех бумаг Мономаха, можем сказать, что заветы выдающегося политического действия базируются на общехристианских принципах, возводя в абсолют сострадание, уклонение от зла и справедливость. Если абстрагироваться от чисто политических смыслов данных установок, в житейско-бытовом плане поведенческие стратегии Поучения совпадают с «Изборником 1076 года»: смирение, покаяние, молитва, попечение о слабых, разные виды милосердия, антитеза труда ленности, усердие в делах, бытовая простота, уважительное отношение к служителям культа и упование на Бога. Из этого числа выделяется триада первостепенных спасительных дел, исполнение которых хотя и желательно, но вовсе не обязательно широкое благочестие во всем.

Упование на спасительную триаду в некотором смысле снижает значение прочих рекомендаций наследникам, ибо не нацеливает на труды и усилия в работе над собой. В контексте достаточно обширной нравственной программы Мономаха путь «малых дел» выглядит необременительным для богатых людей, облеченных властью. Получается, что великий князь выделяет в своей программе должного и доктринально заданного поведения некий нравственно-религиозный минимум. То был продуманный ход. Методология «малых дел» обеспечивала на начальной стадии христианизации постепенное вхождение в поле христианской нравственности.

¹⁸ Изборник 1076 года. С. 699.

¹⁹ См.: Там же. С. 14–16, 26, 43, 86, 94–95, 175–176, 180, 186, 304, 570, 654, 687. Надо при этом учитывать, что проповедь нищелюбия широко распространена и в других произведениях раннехристианской русской книжности, включая и прямые установки на этот счет в библейских текстах (например: Тов. 12, 8).

²⁰ Наблюдения над идейной близостью произведений обобщены в работе: Будовниц И.У. «Изборник» Святослава и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. X. М., 1954. С. 44–75.

²¹ Мещерский Н.А. Поучение Владимира Мономаха и «Изборник» 1076 г. // Мещерский Н.А. Избранные статьи. СПб., 1995. С. 87–88.

Автор Поучения вполне отдавал себе отчет в том, что его наставления неосуществимы в полном объеме, поэтому он прямым текстом призывает наследников принять если не все, то хотя бы часть заповедей (Стб. 245). Ко всему он избегал запретов, видимо, трезво оценивая их непродуктивность во властной среде, где господствовали грубые нравы раннефеодального общества. По той же причине и должный моральный облик властителя он срисовывал с себя, рассчитывая не столько на уважение к Писанию и христианским авторам, сколько на авторитет главы большой семьи. Именно поэтому прямых отсылок на церковные тексты, кроме как при выборке из Псалтири, в Поучении нет. Соответственно и литературная подоплека установочных положений узнается только специалистами, знакомыми с содержанием духовной письменности эпохи.

Факт существования спасительного минимума среди рекомендаций должного поведения со всей определенностью свидетельствует, что верхи общества не были готовы к серьезной нравственной перестройке, а укорененность доктринально-поведенческих императивов, судя по историческому портрету эпохи, почти не просматривается. Примеров, которые бы иллюстрировали воплощение самим Мономахом «малых дел» в описании деяний жизненного пути, не обнаруживается. Однако свою автобиографическую «граматицу» князь завершает кратким поучительным выводом, что обнаруживает намерение соединить свое наставление с мемуарными записями. Некоторые из перечисленных пунктов соответствуют содержанию Автобиографической летописи (не лениться, не давать себе покоя и не полагаться на слуг), а вот для некоторых заповедей подтверждений в фактуре княжеских воспоминаний о жизни не находится (покровительствовать слабым и беззащитным). Кроме того, призыв князя проявлять скромность и умеренность не совместим с ярко выраженной в летописи гордостью за военные победы, бесстрашием в минуты опасности и возвеличиванием своих охотничьих подвигов (Стб. 251). Самолюбование храбростью, заботы о славе и упоение жестокостями военных баталий явно оттесняют на второй план дела милосердия²². Неудивительно поэтому, что влияние заветов авторитетнейшего единодержца Руси, направленных на смягчение бытового и феодального произвола, в политической практике древнерусских князей не просматривается.

На фоне комплиментарных панегириков умершим князьям, исполненных в манере доктринальной выверенности книжного слова, приближение к высокой планке идеала христианского властителя демонстрировал разве что сам Владимир Всеволодович Мономах. Даже он, широко образованный интеллигент, глубоко понимавший доктринальную суть поднятых нравственно-политических проблем, далеко не во всем на практике соответствовал им же сформулированным нормам и порой действовал вопреки базовому христианскому принципу добра и человеколюбия. И это объективное противоречие должного и реального необходимо всегда иметь в виду, когда характеризуется эпоха и реконструируется облик исторической действительности, складывающийся из разных качеств многоликого и неодинаково христианизированного общества.

Можно предполагать, что планка моральных требований к подрастающим властителям занижалась не столько самим князем, сколько объективными возможностями не готового к серьезным нравственным свершениям

²² Мономах оставил правдивый автопортрет, ведь не было нужды пускать пыль в глаза, когда истинное положение дел хорошо было известно подрастающему адресату Наставления.

общества. Реальные порядки, царившие во властной среде, не способствовали претворению даже весьма скромного нравственного идеала в жизнь.

Так или иначе, Владимир Мономах создал в своем Поучении образ правителя, который должен являться примером для его наследников. Этот образ идеален и базируется на высоких христианских принципах справедливости, любви, прощения и гуманности.

Мономаху принадлежит заслуга включения в единое этическое поле и «сильных» и зависимых от них бесправных людей. Это, конечно этика добра, но исходит она от щедрого дарителя, способного на такой дар. В своих этических построениях автор Поучения реализует базовый закон христианства – любить ближнего, невзирая на социальный статус. В форме наставления потомкам великий князь возвел христианскую мораль в ранг государственной политики. Это означало, что от власти требуется признание ее ответственности перед обществом и Богом. В реальной жизни гармонии, конечно, не было, но четкие и недвусмысленные ориентиры, направленные на гармонизацию межличностных отношений, были обозначены. В условиях расширявшегося вместе с феодализацией произвола «сильных» такие заповеди князя хотя и не заметны со стороны воздействия на общественное сознание, но все же играли прогрессивную роль, поскольку поднималась важная с точки зрения гармонизации социальных отношений тема справедливости и уважения к личности. Важно, что была вербализована необходимость ограничения властного произвола правящих верхов. В истории русской мысли это был первый опыт подведения моральной базы под политическую практику.

Значение Мономаха в истории отечественной мысли состоит в том, что он первым из древнерусских авторов обозначил моральные ограничения для политики. Впервые были выдвинуты требования к самой власти и задавался желательный с точки зрения принятой веры идеал князя-управителя. Этот идеал, конечно, возвышался над реальной жизнью. Но на то он и идеал, чтобы, стремясь к нему, делать пусть начальные, но реальные шаги в деле нравственного преобразования верхов общества. Великий князь начинал эту работу с себя и своих преемников. Насколько действенным оказался урок Владимира Мономаха его властным потомкам, каждый может составить свое мнение, обратившись к летописям, материалам законодательства и огромному массиву литературных произведений древнерусской эпохи.

Список литературы

- Алексеев М.П.* Англосаксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. II. М.; Л.: Из-во АН СССР, 1935. С. 39–80.
- Боровков Д.* Владимир Мономах: князь-мифотворец. М.: Ломоносов, 2015. 240 с.
- Будовниц И.У.* «Изборник» Святослава и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. X. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 44–75.
- Гиппиус А.А.* Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 60–99.
- Громов М.Н.* Структура и типология русской средневековой философии. М.: ИФ РАН, 1997. 290 с.
- Ивакин И.М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1: Поучение детям; Письмо к Олегу и отрывки. М.: Унив. тип., 1901. 326 с.

- Изборник 1076 года / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1965. 1093 с.
- Карпов А.Ю. Великий князь Владимир Мономах. М.: Молодая гвардия, 2015. 386 с.
- Коняевская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника. М.: Языки русской культуры, 2000. 198 с.
- Копреева Т.Н. К вопросу о жанровой принадлежности «Поучения» Владимира Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXVII. Л.: Наука, 1972. С. 94–108.
- Кучкин В.А. Послание кн. Владимира Мономаха кн. Олегу Святославичу // Письменные памятники истории Древней Руси / Под ред. Я.Н. Щапова. СПб.: Блиц, 2003. С. 225–226.
- Лихачев Д.С. Сочинения князя Владимира Мономаха // Лихачев Д.С. Великое наследие. М.: Светская Россия, 1980. С. 141–161.
- Лихачев Д.С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. С. 79–95.
- Мещерский Н.А. Владимира Мономаха и «Изборник» 1076 г. // Мещерский Н.А. Избранные статьи. СПб.: СПб ГУ, 1995. С. 87–88.
- Мильков В.В. Владимир Мономах и его Поучение // Творения митрополита Никифора / Отв. ред. М.Н. Громов, С.М. Полянский. М.: Наука, 2006. С. 340–365.
- Орлов А.С. Владимир Мономах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 190 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись / Под ред. А.А. Шахматова. М.: Наука, 1962. 578 с.
- Понырко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. СПб.: Наука, 1992. 224 с.
- Пузанов В.В. От праславян к Руси: становление древнерусского государства (факторы и образцы политогенеза). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 744 с.
- Ратобылская А.В. Венгерский трактат «Наставление о нравах герцогу Имре» и западно-европейские представления об общественном устройстве // Славянский мир между Римом и Константинополем / Отв. ред. Б.Н. Флоря и др. М.: Индрик, 2004. С. 136–145.
- Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1947. 348 с.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV. Т. VI / Под. ред. Ф.П. Филина, Г.А. Богатовой. М.: Наука, 1991. 558 с.
- Смирнов И.И. Очерки социально-политических отношений Руси XII–XIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 363 с.
- Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. I: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. 797 с.
- Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М.: Изд-во МГУ, 1953. 192 с.
- Устав Владимира Мономаха // Творения митрополита Никифора / Отв. ред. М.Н. Громов, С.М. Полянский. М.: Наука, 2006. С. 453–497.
- Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М.: Парад, 2001. 975 с.
- Чичуров И.С. Политическая идеология Средневековья. Византия и Русь. М.: Наука, 1990. 176 с.

Vladimir Monomakh's ethical and political program

Vladimir V. Milkov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: dr_milkov@mail.ru

The religious grounds of Vladimir Monomakh's political views are analyzed in the article. The author reconstructs the points of the political testament of Monomakh. The main ideas of his ethic and political program are reconstructed. The Grand Duke recommended to evade sin, to be a just judge, to protect the weak, to have a mortal memory and to keep in their heart the fear of God. Actions in such paradigm imposed considerable restrictions for governors of the power because they held down them in the choice of means. The author compares the ethical and political program of Monomakh with the facts of his biography. It is shown that in real political practice Monomakh retreated from his own moral program. The author concludes that Monomakh was the first Russian leader to formulate requirements to the power itself proposing an ideal image of the Christian Prince.

Keywords: Vladimir Monomakh, morality, politics, religious motivation of political practice, the ideal of a ruler

For citation: Milkov, V.V. “Etiko-politicheskaya programma Vladimira Monomakha” [Vladimir Monomakh’s ethical and political program], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 4, pp. 134–147. (In Russian)

References

- Alekseev, M.P. “Anglo-saksonskaya parallel’ k Poucheniyu Vladimira Monomakha” [Anglo-Saxon parallel to the Teaching of Vladimir Monomakh], *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Ancient Russian Literature], Vol. II. Moscow; Leningrad: The USSR Academy of Sciences Publ., 1935, pp. 39–80. (In Russian)
- Borovkov, D. *Vladimir Monomakh: knyaz’-mifotvoretz* [Vladimir Monomakh: Prince-myth-maker]. Moscow: Lomonosov Publ., 2015. 240 pp. (In Russian)
- Budovnits, I.U. “‘Izbornik’ Svyatoslava I ‘Pouchenie’ Vladimira Monomakha i ikh mesto v istorii russkoi obshchestvennoi mysli” [‘Izbornik’ of Svyatoslav, and the ‘Teaching’ of Vladimir Monomakh and their place in the history of Russian social thought], *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Ancient Russian Literature], Vol. X. Moscow: The USSR Academy of Sciences Publ., 1954, pp. 44–75. (In Russian)
- Chichurov, I.S. *Politicheskaya ideologiya Srednevekov’ya. Vizantiya i Rus’* [Political ideology of the Middle Ages. Byzantium and Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 176 pp. (In Russian)
- Filin, F.P. & Bogatova, G.A. (eds.) *Slovar’ drevnerusskogo yazyka XI–XIV* [A dictionary of Ancient Russian language of XI–XIV], Vol. VI. Moscow: Nauka Publ., 1991. 558 pp. (In Russian)
- Froyanov, I.Ya. *Nachala russkoi istorii. Izbrannoe* [The Beginning of Russian history]. Moscow: Parade Publ., 2001. 975 pp. (In Russian)
- Gippius, A.A. “Sochineniya Vladimira Monomakha: Opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii”, [Works of Vladimir Monomakh: The experience of textual reconstruction], *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2003, No. 2 (6), pp. 60–99. (In Russian)
- Gromov, M.N. *Struktura i tipologiya russkoi srednevekovoi filosofii* [The structure and typology of Russian medieval philosophy]. Moscow: IPh RAS Publ., 1997. 290 pp. (In Russian)
- Ivakin, I.M. *Knyaz’ Vladimir Monomakh i ego Pouchenie. Ch. 1: Pouchenie detyam; Pis’mo k Olegu i otryki* [Prince Vladimir Monomakh and his Teaching. Part 1: Teaching children; a Letter to Oleg and excerpts]. Moscow: The Univ. Publ., 1901. 326 pp. (In Russian)
- Karpov, A.Yu. *Velikii knyaz’ Vladimir Monomakh* [Grand Duke Vladimir Monomakh]. Moscow: Young Guard, 2015. 386 pp. (In Russian)
- Konyavskaya, E.L. *Avtorskoe samosoznanie drevnerusskogo knizhnika* [The Author’s self-consciousness of the Ancient Russian scribe]. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 2000. 198 pp. (In Russian)
- Kopreeva, T.N. “K voprosu o zhanrovoi prinadlezhnosti ‘Poucheniya’ Vladimira Monomakha” [The question of genre affiliation of Vladimir Monomakh’s Teaching], *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Ancient Russian Literature], Vol. XXVII. Leningrad: Nauka Publ., 1972, pp. 94–108. (In Russian)
- Kotkov, S.I. (ed.) *Izbornik 1076 goda* [Izbornik of 1076]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 1093 pp. (In Russian)
- Kuchkin, V.A. “Poslanie kn. Vladimira Monomakha kn. Olegu Svyatoslavichu” [Vladimir Monomakh’s Message to Prince Oleg Svyatoslavich], *Pis’mennye pamyatniki istorii Drevnei Rusi* [Written monuments of the history of Ancient Russia], ed. by Ya.N. Shchapov. St. Petersburg: Blitz Publ., 2003, pp. 225–226. (In Russian)
- Likhachev, D.S. “Sochineniya knyazya Vladimira Monomakha” [Works of prince Vladimir Monomakh], in: D.S. Likhachev, *Velikoe nasledie* [Great heritage]. Moscow: Soviet Russia Publ., 1980, pp. 141–161. (In Russian)
- Likhachev, D.S. “Zarozhdenie i razvitie zhanrov drevnerusskoi literatury” [Origin and development of genres of Ancient Russian literature], in: D.S. Likhachev, *Issledovaniya*

- po drevnerusskoi literature* [Studies in Ancient Russian literature]. Leningrad: Nauka Publ., 1986, pp. 79–95. (In Russian)
- Meshchersky, N.A. “Vladimir Monomakh i ‘Izbornik’ 1076 g.” [Vladimir Monomakh and “Izbornik” 1076], in: N.A. Meshcherskii, *Izbrannye stat’i* [Selected articles]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1995, pp. 87–88. (In Russian)
- Milkov, V.V. “Vladimir Monomakh i ego Pouchenie” [Vladimir Monomakh and his Teaching], *Tvoreniya mitropolita Nikifora* [Works of Metropolitan Nikifor], ed. by M.N. Gromov and S.M. Polyanskii. Moscow: Nauka Publ., 2006, pp. 340–365. (In Russian)
- Orlov, A.S. *Vladimir Monomakh* [Vladimir Monomakh]. Moscow; Leningrad: The USSR Academy of Sciences Publ., 1946. 190 pp. (In Russian)
- Ponyrko, N.V. *Epistol’noye nasledie Drevnei Rusi XI–XIII vv.* [Epistolary heritage of Ancient Russia XI–XIII centuries]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1992. 224 pp. (In Russian)
- Puzanov, V.V. *Ot praslavyan k Rusi: stanovlenie drevnerusskogo gosudarstva (faktory i obraztsy politogeneza)* [From pre-Slavs to Russia: the formation of the Ancient Russian state (factors and patterns of political genesis)]. St. Petersburg: Olega Abyshko Publ., 2017. 744 pp. (In Russian)
- Ratobyl’skaya, A.V. “Vengerskii traktat ‘Nastavlenie o nravakh gertsogu Imre’ i zapadno-evropeiskie predstavleniya ob obshchestvennom ustroistve” [The Hungarian treatise ‘Instruction about the mores to the Duke Imre’ and Western European ideas about the social structure], *Slavyanskii mir mezhdurimom i Konstantinopolem* [Slavic peace between Rome and Constantinople], ed. by B.N. Florya. Moscow: Indrik Publ., 2004, pp. 136–145. (In Russian)
- Romanov, B.A. *Lyudi i nruvy Drevnei Rusi* [People and customs of Ancient Russia]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1947. 348 pp. (In Russian)
- Shahmatov, A.A. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisei, T 1: Lavrent’evskaya letopis’* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 1: Laurentian Chronicle]. Moscow: Nauka Publ., 1962. 578 pp. (In Russian)
- Smirnov, I.I. *Ocherki sotsial’no-politicheskikh otnoshenii Rusi XII–XIII vekov* [Essays on the socio-political relations of Russia XII–XIII centuries]. Moscow; Leningrad: The USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 363 pp. (In Russian)
- Solovyov, S.M. *Sochineniya: v 18 kn. Kn. I: Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. T. 1–2.* [Works. Book I: History of Russia since ancient times. Vol. 1–2]. Moscow: Mysl Publ., 1988. 797 pp. (In Russian)
- Tikhomirov, M.N. *Posobie dlya izucheniya Russkoi Pravdy* [A manual for the study of Russian Truth]. Moscow: Moscow state University Publ., 1953. 192 pp. (In Russian)
- Vladimir Monomakh, “Ustav” [The Charter], *Tvoreniya mitropolita Nikifora* [Works of Metropolitan Nikifor], ed. by M.N. Gromov and S.M. Polyanskii. Moscow: Nauka Publ., 2006, pp. 453–497. (In Russian)